2 Іюля 1904 г. **Памяти А. П. Чехова.** 2 Іюля 1914 г.

Свѣтлый смѣхъ.

Очеркъ *В. Е. Ермилова.*

Знаменательный вечеръ: «Левъ Толстой у насъ! Левъ Толстой здѣсь сидитъ».—«Гдѣ? Гдѣ?»—«Вонъ тамъ, глядите, глядите, за кулисами налѣво!».

Такъ торжественно и съ значительнымъ видомъ перешоптывались между собою участники памятной репетиціи Чеховскаго спектакля, устроеннаго Обществомъ искусства и литературы.

Взоры всѣхъ были устремлены, конечно, туда, въ завѣтное мѣсто, гдѣ сидѣлъ, нѣсколько принагнувшись, слегка прикрывъ плечи пледомъ, великій мастеръ комедійнаго юмора, любитель здороваго и свѣтлаго смѣха, авторъ «Плодовъ просвѣщенія».

Смотрѣлъ онъ, и все время добрая, радостная улыбка не сходила съ его устъ. А временами онъ попросту, отъ души хохоталъ, слушая уморительную реплику, произносимую кѣмъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ той или иной комедіи Чехова.

Такое дѣятельное и радостное вниманіе Толстого ко всему, творимому нами, участниками спектакля, въ высшей степени насъ волновало, возбуждая энергію творчества, зачастую вдохновляя на совсѣмъ непонятные для насъ самихъ эффекты въ воспроизведеніи тонкихъ деталей Чеховскаго юмористическаго замысла.

Въ антрактѣ послѣ какой-то комедіи Левъ Николаевичъ разговорился съ артистами—членами общества и выразилъ свое восторженное удивленіе передъ Чеховскимъ юморомъ.

— Послѣ Гоголя мы не имѣли,—говорилъ онъ,—такого блестящаго, сильнаго юмориста, какъ Чеховъ. А юморъ, здоровый и сильный, намъ необходимъ. Чехова разсказы—перлъ красоты.

Рѣдкій портретъ А. П. Чехова.

И началъ намъ съ удивительно отчетливою памятью разсказывать содержаніе особенно понравившихся ему разсказовъ.

Въ годину десятилѣтія со дня кончины Чехова, какъ разъ своевременно вспомнить эту справедливую оцѣнку Чеховскаго смѣха.

Всѣмъ извѣстно, сколько здороваго юмора разлито по всѣмъ разсказамъ Чехова. Ихъ я потому и не коснусь. Но позвольте вамъ указать на замѣчательную книгу, еще не разработанную критикой, еще мало пока извѣстную. Это—удивительная Чеховская «записная книжка», которую онъ велъ въ послѣднія 12 лѣтъ своей жизни. Это—книжка-новинка, вышедшая къ теперешнему десятилѣтнему юбилею, посмертный трудъ Антона Павловича.

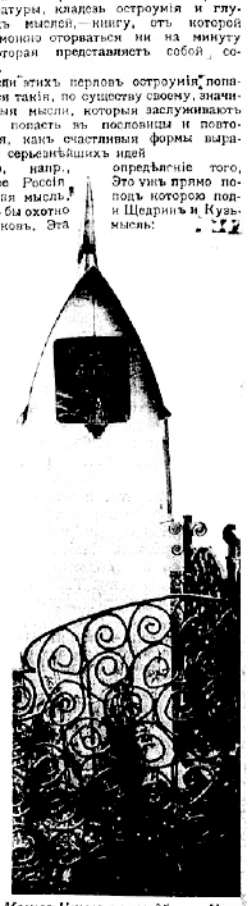
— Чего, чего тамъ нѣтъ! Остроумныя мысли, шутки, маленькіе шаржи, отрывки изъ ненаписанныхъ еще, но предполагаемыхъ, подготовляемыхъ сочиненій, и среди нихъ сколько примѣровъ находчивости, изобрѣтательности, фантазіи, глубокихъ мыслей, остротъ, умѣло подобранныхъ контрастовъ, неожиданныхъ сравненій, мѣткихъ словъ, игры словъ, уморительныхъ прозвищъ, фамилій, именъ!

Отрадно сказать, что Чеховъ подарилъ намъ къ дню своего юбилея одну изъ самыхъ прелестныхъ книгъ міровой литературы, кладезь остроумія и глубокихъ мыслей,—книгу, отъ которой невозможно оторваться ни на минуту и которая представляетъ собой событіе.

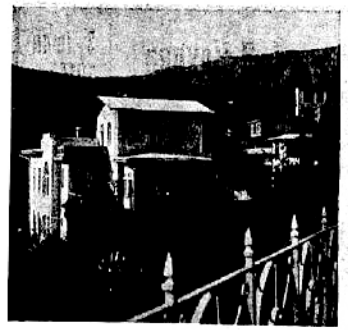
Среди этихъ перловъ остроумія попадаются такія, по существу своему, значительныя мысли, которыя заслуживаютъ чести попасть въ пословицы и повторяться, какъ счастливыя формы выраженія серьезнѣйшихъ идей.

Такова, напр., политическая мысль, записались бы охотно она Прутковъ. Эта определеніе того, что такое Россія. Это умѣ прямо подъ которою подписали бы Щедринъ и Кузьма мысль:

А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ.



Могила Чехова на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря въ Москвѣ.



Дача Чехова въ Крыму.

РОССІЯ—СТРАНА КАЗЕННАЯ

(см. Слово, сборникъ 2-й, ч. III). И у него есть и другое опредѣленіе Россіи, уже болѣе образное и картинное, поражающее своимъ мѣткимъ сравненіемъ:

«Россія—громадная равнина, по которой носится лихой человѣкъ (146.) Увидите: скоро вся интеллигенція, ознакомившись съ этими счастливыми формулами, будетъ повторять ихъ на каждомъ шагу, и кстати, и не кстати, и къ пѣлу, и ни къ селу, ни къ городу».

А вотъ вамъ и продолженіе Щедринскихъ, «Помпадуровъ и Помпадурши», Губернаторъ, только что назначенный, гдѣ бы ни явился, всѣдѣ произносить рѣчи: на актѣ въ женской гимназіи, на пріемѣ представителей печати, въ собраніи евреевъ. Но проходитъ 1—2 мѣсяца — ничего не пѣлаетъ. Опять созываетъ купцовъ—рѣчь. Опять евреевъ: «Евреи! Я призвалъ васъ! «Надоѣвъ всѣмъ, наконецъ, говоритъ правителю канцеляріи: «Нѣтъ, не подъ силу мнѣ это, голубчикъ. Подаю въ отставку!!» (99).

Важничанье, спесь, честолюбіе ядовито высмѣиваетъ Чеховъ, въ какой бы средѣ ни встрѣчались эти черты; онъ безпристрастенъ, безпартіенъ; справедливъ: вездѣ намъ подмѣтитъ и отмѣтитъ пошлость, мелочность и суетность.

Вотъ наглая фигура. Чеховъ скажетъ при видѣ его:

«Держится, точно икона» (163).

Спесивому, честолюбивому кажется, къ радости его, что его вездѣ, уважаютъ и высоко цѣнятъ, «вездѣ, даже въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ, и потому онъ ѣлъ всегда съ улыбкой».

Купецъ съ презрѣніемъ слушаетъ, какъ его сынъ читаетъ вслухъ семьѣ сочиненіе Жанъ-Жака Руссо, и думаетъ:

«Какъ бы тамъ ни было, у Ж.-Ж. Руссо золотой медали на шеѣ не было, а у меня вотъ есть» (ib).

А и мѣтко-жъ, въ одной фразѣ, Чеховъ вышучиваетъ новоиспеченнаго либерала недавняго хмураго времени:

«Поютъ пѣтухи, и уже кажется ему, что они не поютъ, а поютъ».

«Всѣ—и либералы, и консерваторы, въ высокомѣрномъ отношеніи къ скромнымъ работникамъ, употребляютъ въ отношеніи къ нимъ низкій стиль, а въ отношеніи къ болѣе важнымъ по должности — высокій: такъ, про врача говорятъ: его надо *пригласить*, а про фельдшера: его *позвать*.(163).

Уморительная игра словъ: «говорятъ, въ концѣ концовъ правда восторжествуетъ, но это неправда» (129).

Деликатный, корректный интеллигентъ въ «россійскомъ вкусѣ»: «почистилъ зубы и положилъ зубочистку обратно въ рюмку».

А вотъ вамъ излишне корректный человѣкъ. Онъ даже въ любовномъ письмѣ припишетъ: «прилагаю на отвѣтъ маркуъ» (121).

«Въ глазахъ умной дѣвушки, ищущей жениха съ обезпеченнымъ положеніемъ, на-

А. П. Чеховъ за рыбной ловлей съ Мелиховымъ.

Откуда ты взялъ, что я много пишу? За весь послѣдній годъ, т.е. за лѣто и зиму, я и шести разсказовъ не сдѣлалъ. Жену вызываю за письмами. Напротивъ, надо бы больше писать, да толкается не хватитъ. Лермонтовъ умеръ 28 лѣтъ, а написалъ больше, чѣмъ оба мы съ тобой вмѣстѣ. Талантъ пошелъ не только по качеству, но и по количеству въ послѣдующаго.

Будь здоровъ и Богомъ хранимъ.

Твой А. Чеховъ.

стоящій мужчина состоитъ изъ мужа и чина» (123).

Восторженная барышня пишетъ жениху, подбирая на радостяхъ самыя изысканныя выраженія:

«Мы будемъ тутъ невыносимо близко отъ васъ» (152).

Наблюденіе за мужчинами и женщинами: «мужчина съ усовъ все равно, что женщина съ усами» (403).

Неунывающій россіянинъ весело, живо-радостно представляетъ гостя гостю:

«Честь имѣю представить, Иванъ Ив. Изговенъ, любовникъ моей женѣ (147).

«Ахъ, вы мой прыщикъ!»—сказала невѣста нѣжно. Женихъ подумалъ, потомъ обидѣлся—разошелся» (137).

Убѣдительно: «почва такая хорошая, что если посадить въ землю оглоблю, то черезъ годъ вырастетъ тарантасъ» (133).

Образованность: «У него разниженіе мозга и мозгъ въ уши вытекъ» (134).

Женщина: «Вы ей: «по этой части онъ съѣлъ собаку». А она: «Ахъ, ахъ, не говорите такъ, наша мама очень бреглива».

Легкомысленная мамочка:

«Теперь за третьимъ замужемъ... Перваго звали Иванъ Макарычемъ, второго Петръ... Петръ... забыла».

«Имѣнинная жена—это большая, холодная котлета, которой не хочется трогать, потому что ее уже пернулъ въ рукахъ кто-то другой» (110).

Въ заключеніе нѣсколько выраженій, такъ сказать, на закуску:

Торжественно: «Я твой законнорожденный мужъ» (136).

Пристрастіе къ слову единоутробный:

«Братецъ мой единоутробный, жена моя единоутробная, зять и проч.».

«Мертвые сраму не имутъ — но смердятъ страшно»!...

Глядя въ окно на покойника, котораго не зналъ:

«Ты умеръ, тебя на кладбище несутъ, а я завтракать пойду».

Однако, всего не исчерпаешь въ неисчерпаемомъ кладезѣ юмора. Пора кончить. А то ужъ и такъ мы начали за зкраніе, а свели за упокой.

В. Ермиловъ.